

Дела в императорском лагере у перевала Спящего тигра были совсем плохи: солдаты устали от долгой обороны, запасы провизии армии и ближайших деревень истощились, а командиры отрядов днями напролет драли глотки в генеральской палатке, говоря то о наступлении, то об отходе. Гонцы из столицы приносили недовольство Императора. Грозовыми тучами оно собиралось у вершин неприступных пиков, лилось мрачным дождем, размывая и так непроходимые горные тропы. Подставляя лицо холодным каплям, Пань Тань мечтал, чтобы вода смыла его глаза и уши, лишь бы никогда более не видеть армейского лагеря и не слышать полных презрения шепотков за своей спиной.

Несколько дней назад из столицы прибыла очередная инспекция, чья задача была тщательно выискать просчеты генерала. Чиновники императора, военные советники и министры словно стервятники над полем боя кружили между солдат, оглядывая их подозрительными взглядами. Никому подобное положение не нравилось, но командиры и рядовые вынуждены были терпеть, пока их генерал бессильно смотрел, как чиновники словно крысы лезут в незнакомые им дела.

Идя к палатке на очередное собрание, Пань Тань увидел одного такого военного министра в строгом черном ханьфу у неприметной тропинки, прячущейся за армейскими палатками. Дорога вела к утесу, откуда открывался вид на долину внизу, бесконечно мирную и спокойную. Пань Тань любил стоять там, размышляя над положением дел, и не хотел, чтобы это милое место было осквернено людьми императора. Он поспешил приблизиться.

— Эй! — грубо окликнул человека генерал, но после постарался скрыть неприятие в голосе. — Господин, горные тропы размыло дождем, а эта особенно опасна. Не ходите туда: если сорветесь вниз, даже костей будет не сыскать.

Военный министр обернулся: он был облачен так же, как другие чиновники из свиты, но оказался неожиданно молод. Волосы юноши были спрятаны под строгую черную шапочку, которая оттеняла бледное лицо, отчего то казалось фарфоровым. Тонкие губы молодого человека были чуть поджаты, словно он и сам не хотел туда идти, а яшмовые глаза смотрели на Пань Таня цепко и внимательно.

— Вот как?.. — спросил военный министр и взглянул на тропу. — А что там?

— Просто выступ, — ответил генерал, собравшись с мыслями. Он провел у этого перевала уже так много времени, что привык к усталости и злобе на лица вокруг: впервые на него взглянули спокойно, даже мягко. Кроме того, лицо молодого человека не тронуто было тяжестью войны, потому в армейском лагере казалось отражением бледной луны в грязных болотных водах. Неожиданно Пань Таню захотелось продолжить разговор: — Вы хотите посмотреть, что там?

— Да, мне любопытно, — ответил юноша. — Тропинка должна вести к западному склону, откуда просматривается долина. Это может стать хорошей стратегической точкой.

Пань Тань горько улыбнулся: пусть военный министр перед ним выглядел строго и собранно, он оставался самоуверенным юнцом — сколько, по его мнению, генерал тут уже провел времени? Он изучил каждый холм и выступ с этой стороны горы: если бы был способ обойти ее и напасть на неприятеля с другой стороны, он непременно бы им воспользовался.

Однако генерал неожиданно не ощутил глухого раздражения, как от нравоучений иных министров. Он пояснил:

— Господин во всем прав, однако путь оканчивается выступом, за которым крутой обрыв. Обогнуть гору по этому пути не выйдет: только вид на долину там хорош, в остальном — пустая

трата времени.

— Вот как... — протянул военный министр и пожал плечами. — На хороший вид я бы тоже взглянул. Нечто подобное помогает очистить мысли, — тут же юноша посмотрел на Пань Таня и неожиданно улыбнулся: — Генерал пробовал?

Застигнутый врасплох чужим язвительным, но дружелюбным выражением, Пань Тань ответил:

— Да.

— У генерала, выходит, есть тяга к прекрасному, — кивнул министр. — Жаль, в военных делах она не поможет.

Выражение лица генерала застыло. Он слышал уже бесчисленное множество разговоров о себе, что тайных, что явных, потому больше их не смущался. Мужчина прямо спросил:

— Обвиняете меня в бездействии?

— Вас? — удивился молодой человек. — С чего бы? Продержаться в этом адском месте столько времени уже подвиг, а чтобы двигаться вперед этот скромный чиновник вовсе не представляет, что нужно сделать. Если уж кого-то и обвинять, то богов, которые создали перевал таким узким и неудобным. Однако крушить храмы по этому поводу глупая затея, потому остается лишь думать, как нам теперь поступить.

— Господин говорит красиво, но решать что-то придется мне, — криво улыбнувшись, сказал Пань Тань. Юноша перед ним снова удивленно вскинул тонкие брови:

— Отчего же? Победа над западными варварами — общее желание каждого подданного Императора. Мы здесь для того, чтобы придумать, как решить эту общую загадку. И вам, генерал, стоит перестать считать, когда вас бранят, что говорят это о вас лично: каждый измотан этой войной и желает ее завершения, а вы, так вышло, оказались на острие направленного на запад меча, оттого и выслушиваете общее недовольство. Стоит вам, однако, победить, и ваше имя останется в истории.

Пань Тань некоторое время молчал, смотря на человека прямо перед собой. Чем-то его слова казались наивными и слишком оптимистичными, но генерал признавал, что нечто подобное он долгое время и желал услышать. Пань Тань кивнул на тропинку:

— Когда дождь закончится, я могу проводить вас на уступ, чтобы взглянуть на долину. Как ваша фамилия?

— Это будет со стороны генерала очень любезно, — кивнул молодой человек. Сложив руки у груди, он поклонился. — А фамилия моя Ли: этот чиновник рад познакомиться с генералом.

С тех пор в лагере появился господин Ли. Вернее, с тех пор Пань Тань стал замечать его среди облаченных в одинаковые черные одежды спин. Господин Ли был в равной степени послушен и резок, он говорил без лишних ухищрений, когда его спрашивали, и молчал, когда бранили. Ему трудно было находить общий язык с грубыми солдатами из-за излишней своей прямооты и язвительности, которая практически сочилась из костей молодого ученого, но стоило прислушаться к его словам — и становилось заметно, что, несмотря на юный возраст, юноша разбирается в происходящем куда лучше кичащихся опытом вояк.

С кем-то, кто был одновременно открыт и загадочен, Пань Тань не мог не сдружиться. Через

несколько дней, когда горные тропы подсохли, он проводил господина Ли к утесу: тот долго молча смотрел вперед, обращая больше внимания на плывущие над долиной облака, чем на мирно спящую внизу деревню, а после обернулся к генералу и улыбнулся. Пань Тань никогда не видел такой улыбки: столь же сладкой, сколь хитрой

Задачей военных министров было подсказывать генералу лучшие тактики ведения боя, но к их словам Пань Тань редко прислушивался. Он попался на эту уловку несколько раз в первые годы командования: не все, кто советуют тебе, в самом деле хотят успеха — многие люди с легкостью пожертвуют сотней жизней лишь для того, чтобы позже вернуться к Императору и важно доложить: «На счет того некомпетентного генерала ваш подданный был полностью прав!». Однако, к господину Ли Пань Тань прислушивался. Было заметно, что опыт ведения боя у юноши основан лишь на пыльных страницах книг, но в рискованных ситуациях он мог проявить смекалку и выдержку.

У генерала среди всех его подчиненных было несколько особенно доверенных, которых он назвал бы с легким сердцем друзьями. Одним из них был Лю Гуанмин, наследник военной фамилии, члены которой на протяжении многих десятилетий служили Императору. Он был человеком не лишенным хитрости, но в большей мере честным и прямолинейным, в котором за годы, проведенные на перевале Спящего тигра, верность Императору превратилась в тихую ненависть.

Вот как он говорил о господине Ли:

— Чиновникам, кем бы они ни были, нет веры! Только братья, которые проливали свою кровь рядом с нашей кровью, могут понять тяготы этой жизни! Остальные же лишь пусто сотрясают воздух.

— Ты не совсем прав, — задумчиво отвечал Пань Тань. В своей палатке он со всех сторон рассматривал пример построения войск для следующей атаки, который предложил господин Ли. Как бы генерал не вглядывался, он не мог в нем найти недостатков. — Иногда незамутненный взгляд на вещи может помочь общему делу.

— Тебе это тот, по фамилии Ли сказал? — спросил Лю Гуанмин и с отвращением сплюнул. — Смотреть на него тошно. Все крутится возле тебя, словно что-то вынюхивает. А еще это...

— Что? — бросил Пань Тань взгляд на друга, когда тот неловко замолк. От смущения и злости лицо Лю Гуанмина темнело, словно дно горшка, что производило отталкивающее впечатление — неспроста в деревнях его боялись женщины и дети.

Мужчина нехотя пояснил:

— Неужели сам не видишь? Он мельтешит перед тобой, словно баба, и смотрит так, что блевать тянет. Таких из армии вовсе надо гнать палками!

Отведя взгляд к карте, Пань Тань безразлично бросил:

— Ты себе придумываешь, — но сердце его от слов друга счастливо дрогнуло.

— Нет, брат, послушай... — начал было Лю Гуанмин, но его прервал распахнувшийся, словно от порыва ветра, занавес в палатку. Внутри вошел, не снимая шлема, статный воин. Он был широк в плечах, на его поясе висело несколько коротких клинков, а доспехи в иных местах были испачканы смешанной с грязью кровью. Лишь когда воин, устало встряхнув головой, снял шлем, взгляду открылись мягкие женские черты круглого лица.

Это была Гао Нин, вторая близкая подруга Пань Таня. Она обладала бледной кожей, яркими губами и черными, словно сама ночь, глазами, и оставалась одним из самых способных подчиненных генерала. В нынешней династии не запрещено было женщинам идти в армию — но разве кто-то в самом деле решился бы на это? Служба была тяжела и опасна, к тому же никто не принял бы в дом невесту, что не так давно омывала вражеской кровью свой клинок. Но Гао Нин не задумывалась о собственном будущем: она сбежала из дома, когда началось противостояние с западными племенами, и лишь недавно, получив признание и поддержку генерала, оставшимся в столице родственникам сообщила, что до сих пор жива. Дядя и тетки звали ее вернуться — но в глазах молодой женщины было лишь незатухающее пламя сражения.

— Чего опять треплется этот по фамилии Лю? — грозно спросила она, бросая на кушетку у входа свой шлем и принимаясь снимать латы с плеч. Гао Нин давно жила в лагере, потому отбросила все приличия, которым обучали молодую госпожу с детства, и разговаривала с друзьями без всякой присущей благородным барышням робости. — Брат Пань, не слушай его испуганный скулеж!

Лю Гуанмин не ответил: он никогда не мог спорить с этой женщиной. Когда она принималась браниться, хмурия густые брови и словно молнии метая яростные искры из глаз, ком вставал у него в горле, и bravому солдату оставалось лишь затаив дыхание следить, как движутся чужие губы.

— Нин-цзе, не горячись, — улыбнулся ей Пань Тань, заметив робость друга. — Взгляни лучше сюда.

С оханьем разминая уставшие плечи, Гао Нин приблизилась к карте, на которой замерли деревянные фигурки, обозначающие войска. Мгновения ей хватило, чтобы вынести вердикт:

— Отличное построение, — тут же она деловито уточнила: — Необычно для тебя, но может сработать. Его будем использовать?

— Его использовать никак нельзя, — тут же вступился Лю Гуанмин, приблизившись. Прямо говорить с Гао Нин ему было неловко, но военных дел не касалась неожиданная слабость. Лю Гуанмин вероломно сообщил: — Это предложил тот, по фамилии Ли.

Гао Нин тут же нахмурилась: как и Лю Гуанмину, господин Ли ей тоже не нравился. Она не верила, что этот человек действует без покровителя, и в самом деле хочет помочь армии. Взглянув на схему еще раз, Гао Нин сказала:

— Большая часть сил переброшена будет к восточной тропе, а что же станет с западной? Там палатки министерских крыс, и они остаются почти без защиты — так сделать нельзя.

— Если кто-то из них сдохнет, Император спросит с нас, — добавил Лю Гуанмин.

— Эти господа все же военные, пусть и министры, — заметил Пань Тань. — Если большая часть наших солдат внезапно атакует восточное направление, у противника не останется сил следить и за западным: туда он, вероятно, даже не сунется. А если и попадутся какие-то отряды — министры смогут себя защитить. Кроме того, — Пань Тань с улыбкой взглянул на друзей и в мягком выражении на его щеках появились очаровательные грушевые омуты. — Вы считаете, что составив такой план, господин Ли в самом деле не жаждет искренне всем сердцем нашей победы?

Ни Лю Гуанмину, ни Гао Нин нечего было ответить, потому они промолчали. Вскоре отдан был

приказ к наступлению, и той ночью горные склоны облачились в пепельные и огненные одежды. Изменение баланса сил на разных фронтах действительно помогло вырвать из зубов противника маленькую, невзрачную, но такую необходимую победу.

Праздновать еще было решительно нечего, но вернулся Пань Тань в лагерь в приподнятом расположении духа — только чтобы узнать, что на западном направлении все же было единственное нападение. Его быстро удалось отразить, но среди палаток министров начался пожар. Многие из них, в том числе господин Ли, оказались у лекарей.

Когда Пань Тань вбежал туда, оказалось, что дела господина Ли куда лучше, чем могли быть: тлеющее бревно упало ему на ногу, оставив на голени сочащийся белесой кровью ожог. Рана была для военного времени почти незначительной, жизни господина Ли ничего не угрожало — но это в его судьбе было все же первое ранение. Сидя на подстилке среди стонущих людей, он плотно сжимал побелевшие губы и неотрывно смотрел на собственную ногу, словно надеялся взглядом снять боль. Шапочка господина Ли оказалась потеряна в пожаре, его волосы растрепались и опали на лицо тонкими прядями, а лоб покрылся холодным потом. Когда господин Ли вскинул взгляд на подошедшего генерала, его глаза влажно, словно у обиженного без вины ребенка, блеснули — а после лица коснулось самодовольное выражение. От подобного вида сердце Пань Таня взволнованно забилося в груди.

После этого случая генерал к господину Ли проникся еще больше — но рисковать собой ему все же не позволял. Перевал Спящего тигра делился на три узкие тропы, идущие друг за другом, и перемежаемые небольшими горными плато. До наступления лета войскам Императора удалось отвоевать одно плато, а к следующей зиме — второе и третье. Слишком грубо было говорить, что это было заслугой лишь господина Ли: он был талантливым, но не имеющим опыта военным советником. Однако именно рядом с таким человеком, который всегда был готов поддержать генерала добрым словом, похвалить его и в особо очаровательной едкой манере заставить замолчать противников Пань Таня, талант генерала расцветал соцветиями шиповника. Пусть продвижение было медленным и со стороны казалось, будто армия топчется на месте и извечно в ней случаются разного рода проблемы, генерала больше не беспокоили чужие пересуды. Он знал, что делает все правильно, знал, чего хочет добиться — и упорно следовал к своим целям.

Господин Ли стал для Цзяняньского хоу по-настоящему важным и доверенным человеком, с которым они ни раз до раннего утра обсуждали военные стратегии, выпивали, разговаривали о жизни и планах на нее после возвращения в столицу. Пожалуй единственное, в чем Пань Тань и господин Ли не сходились, так это в роли последнего в сражениях. Для господина Ли важно было видеть ситуацию на поле боя и вокруг лагеря своими собственными глазами:

— Это не просто вопрос правильных решений, — рассуждал он, вместе с генералом наблюдая за подступающими для последнего сражения рядами противника. Оба плато перевала были теперь под контролем армии Императора, но кочевники не желали сдаваться так просто, и хотели последние свои силы, иссушенные кости и покрытое щербинами оружие бросить к ногам этого сражения. — Генерал, я смогу помочь вам, как помогал ранее. Разрешите мне участвовать.

— Тебе лучше остаться в лагере, — бросив на него быстрый взгляд, ответил Пань Тань. — План битвы составлен, места для маневра у варваров нет... Война — не твое дело, возвращайся и отдохни.

— Генерал несправедлив, — не унимался господин Ли. — Вы не дали мне поучаствовать в обсуждении стратегии, а теперь вовсе гоните с поля боя. Неужели думаете, что я стану

мешать? Или что увижу то, чего не следует?

Пань Тань рассмеялся:

— Дело не в том, что я тебе не доверяю. Если бы это было так — дал бы взглянуть на план сражения позже?

— Да, вы мне не не доверяете, — угрюмо, но со странной тревогой, скрытой в сжатых до побелевших костяшках кулаках, отозвался господин Ли. — Вы просто не хотите, чтобы я оказался ранен. Однако, я могу позаботиться о себе.

Генерал вновь посмотрел на своего спутника: пусть за прошедшие годы он стал чуть выше, черты лица господина Ли не лишились мягкости и изящества. Его глаза сияли, словно яшма, кожа была белой и гладкой, а нахмуренные брови придавали образу очарование. Такому юноше не место было в дыме войны, на фоне шелковых простыней его лицо смотрелось бы куда лучше.

— Возвращайся в лагерь, — сглотнув, сказал Пань Тань. Обычно господин Ли препирался, но слушал отданные приказы, и никогда первым не приближался, словно пугливый кот, но теперь сам подступил к генералу ближе, вкрадчиво сказав:

— Генерал, так правда будет лучше. Прошу, позвольте мне.

Пань Тань улыбнулся:

— Возвращайся.

Господин Ли не стал больше спорить: ушел, последний раз с печалью взглянув на поле боя и прямую спину генерала. Скоро после его ухода началось сражение: сначала оно шло точно по разработанной стратегии, а после войска Императора вдруг смешались. На левом фланге возникли волнения, оборона оказалась прорвана, и вражеские войска почти захватили первое плато, вновь ввязав императорскую армию в долгое сражение. Когда Пань Таню удалось отвлечься, он узнал, что господина Ли срочно вызвали в столицу, и он уехал, не попрощавшись. Генерал же остался на западных границах еще на полгода.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1709375>